

МЕТОДИКА И ПОЛЕВЫЕ ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ¹

Заикин А.В., к.социол.н.,
Поволжский институт управления — филиал РАНХиГС
Одоевский И.И., студент, НИУ ВШЭ

В статье рассмотрен ряд позиций конкретного социологического исследования. Дан анализ исходных методических положений, примененных другими учеными к изучению крестьянства. Опираясь на них, авторы доказывают, что объект исследования в подходе, избранном ими, вызывает необходимость корректировки и дополнения. Описаны практики встречи с респондентами, влияния на полноту ответов временного и пространственного факторов. Освещен методический подход к поиску границ между группами хозяйственной самодеятельности по критериям масштаба наполняемости семейного хозяйства ресурсами и типичности смыслов активной жизнедеятельности.

Ключевые слова: сельские жители, семейное хозяйство, ресурсы подворья, земельные участки, анкетирование, типология семейных хозяйств.

METHOD AND FIELD PRACTICES OF RESEARCH OF THE ECONOMIC SELF-ACTIVITY OF RURAL RESIDENTS

Zaikin A.V., candidate of sociological sciences, associate professor,
Volga Region Institute of administration, the branch of Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration
Odоеvskiy I.I., student, National Research University - Higher School of Economics

The article considers a number of positions of a specific sociological research. An analysis of the initial methodological provisions applied by other scientists to the study of the peasantry is carried out. Based on them, the authors argue that the object of study in the approach chosen by them necessitates adjustments and additions. The practice of meeting with respondents, of the impact on the completeness of the responses of temporal and spatial factors is described. A methodical approach to the search for boundaries between groups of economic initiative on the criteria of the scale of fill rate with resources and typical meanings of active life is highlighted.

Keywords: rural residents, family farming, farm resources, land plots, survey, typology of family farms.

Постановка проблемы.

В общественном сознании, поддерживаемого прессой, сложились стереотипы не в меру оптимистической оценки успехов сельского хозяйства, которые обеспечиваются участием едва ли не каждым семейным хозяйством. В реальности, как мы покажем далее, эффективно хозяйствует, продавая продукты, очень небольшая группа сельчан. Аграрные социологи, редко выезжающие в последние годы на село, зачастую тоже оказываются в плену иллюзий, по поводу успехов ЛПХ, которые задаются органами Госстата. По данным официальной статистики, в 2017 г. на долю личных подсобных хозяйств приходилось 77,2% производства картофеля, около 63% — овощей, 42% — молока и более 58% мяса (говядины). На первый взгляд, ситуация вполне благополучная (если не задаться вопросом «А почему в общественно-организованных укладах АПК ряд показателей ниже, чем в ЛПХ? Кто потребляет эти продукты? И попадают ли все эти продукты на рынок?»).

В реальности подавляющая часть (90%) ЛПХ в этом участвуют своеобразно. Во-первых, у них на подворье почти нет коров и участки земли очень небольшие. Кое-что из выращенного все же продается, но в основном идет на собственное потребление. Во-вторых,

¹ При поддержке РФФИ, грант № 18-011-00206.

такая дифференциация является следствием многих причин, и из-за низкой наполненности семей выносливыми членами, и в силу смысловой обусловленности. С одной стороны, необходимость ведения ЛПХ обусловлено отсутствием работодателя в селе проживания (что является наиболее яркой чертой современной ситуации, длящейся уже почти 30 лет). С другой стороны — не всякой семье по силам ведение большого хозяйства. Например, если дети уже обустроились в городах и не нуждаются в поддержке, то их родители, еще не старые, не видят смысла вести большое хозяйство, которое поглощает все время — от зари до зари, да и нередко, и ночные часы.

Информационное обеспечение и методология исследования.

Замысел проекта опирался на два обстоятельства, сыгравших свою роль в отборе тем исследования, которые заслуживали особого внимания, но не входили в план Института. Во-первых, это изучение крестьянских семей, их историй, проводимое в начале 90-х годов XX века в России исследовательским коллективом под руководством известного ученого Теодора Шанина [1, 2]. Во-вторых, изучение смыслов сельской жизни, предпринятое и организованное чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко в 2014–2015 гг. Для проектирования реализации наших задач они послужили базой углубления методики включенного наблюдения.

В первом исследовании (под рук. Т. Шанина) целевой группой были крестьяне, наиболее полно сохранившие в памяти события в деревне начала XX в. Нарративы престарелых крестьян о трудном этапе в жизни села полезны для оценки крестьянской стойкости, которая хотя и скорректирована новым, рыночным укладом, но действует и в настоящее время [3]. Во втором (под рук. Ж.Т. Тощенко) — изучались жители, дифференцированные по типам расселения в проекции их отношения к экономике, социальным вопросам, политике и культуре [4]. В публикациях до настоящего времени представлены только измерения по этим вопросам; результаты исследования, описанные в доступных источниках, проведен без выделения групп по возрасту, полу, профессии, материальному благосостоянию. Соответственно, группа успешных сельских жителей, хотя и присутствовала в выборке, но в данном исследовании специально не выделялась и не анализировалась.

В то же время по своей социально-экономической роли она заслуживает особого внимания. Дело в том, что это группа, которая, несмотря на свою относительную малочисленность (до 10%), является представителями современного крестьянства, с которой лицом к лицу встречаются все остальные социальные группы всех типов поселений, городов и поселков.

Позитивные изменения в обустройстве жизни сельского поселения происходят медленно, а чаще всего уровень их возвращается к исходному состоянию. По данным социологического исследования, проведенного в 2004 г. во всех федеральных округах (опрошено 15200 чел.), был сделан вывод, что уровень безработицы на селе во многих случаях близок к критическому. Образование сельских жителей существенно хуже, чем городских; и вряд ли есть основания полагать, что ситуация будет выправляться в следующих поколениях [3].

В 2015 г. опрошено сельское население в 22 областях и в 71 селе по схожим вопросам их жизнеустройства. Установлено, что уровень безработицы остается высоким: в 1992 г. — 19,3%, в 1996 — 30%, в 2015 — 16%. При этом, для 9% трудоустроенных сельчан работать удастся с большими временными пропусками, т.е. 6,9 месяцев в год [4]. Зарплата при этом остается неизменно низкой, уступая показателям всех других отраслей. Хотя, к 2015 г. уровень безработицы стал ниже, чем в предыдущие годы, но это не говорит о том, что расширились возможности получить рабочее место.

Количество сельскохозяйственных предприятий новых корпоративных укладов за эти годы не росло, а уменьшалось. Просто доля претендентов получить рабочее место на селе уменьшалась в силу старения жителей, отъезда молодежи в города, уменьшения в целом человеческих ресурсов в сельских территориях.

Все эти факторы подтолкнули наиболее активных семей искать собственные каналы обеспечения своего благополучия.

Для изучения дифференциации хозяйственной самостоятельности современных крестьян разработана анкета «Сельская семья», включающая вопросы, ответы на которые могли бы идентифицировать соответствие ряда гипотез связям и отношениям в реальной жизни. Анкета охватывает темы: обеспеченность семьи ресурсами для самостоятельного хозяйствования (земля, техника, животные); близкие и дальние цели жизнеустройства семьи, включая детей, живущих под одной крышей с родителями и отдельно от них; режим труда и отдыха с распределением трудовой нагрузки в семье, включенность в культурные практики (оснащение источниками трансляции ценностей культуры, собственная духовная самостоятельность и др.); отношения с односельчанами, с органами власти, общественными организациями; реализация продукции на рынках, взаимодействие с банками, с другими субъектами обмена ресурсами; уникальные ценности и тяготы сельской жизни; оценка общей удовлетворенности повседневности тех, кто самостоятельно выживает, будучи выключенным из всех укладов, распространенных в АПК.

Все эти аспекты открывают перспективы для получения наиболее полного банка информации по исследуемой проблеме. Большое место в ней занимают открытые вопросы, которые дали множество личных оценок той или иной ситуации. Анкета получилась достаточно большой, на заполнение каждой требовалось около 1,5 ч, поэтому анкетеру удавалось в день опросить 3–4 человека и требовало многочисленных поездок. Многократное посещение выделенных хозяйств подвело исследовательский коллектив к мысли, что, несмотря на типичность жизнедеятельности, многие проблемы их функционирования выходят на широкое социальное пространство. И поэтому необходимо опрашивать целевую группу более крупную, чем семейные хозяйства, которые намечались первоначально в грантовом проекте.

Методически эта задача решена следующим образом. В селах Саратовской области и Республики Татарстан, расположенных в разной удаленности от центра региона (Саратова, Казани), опрошены жители ряда муниципальных районов, дифференциация которых замыкается на такие признаки, как удаленность от областного (республиканского) центра, степень развитости корпоративных укладов сельского хозяйства, специфику семейных хозяйств в зависимости от этнических традиций и др. Всего опрошено 323 респондента. Задача отграничения хозяйств успешных подворий от неуспешных решена следующим образом. Приезжая в деревню, исследователь посредством общения с местным представителем муниципального органа или учителями школы исподволь выявлял, кто из односельчан живет более обеспеченно. К ним анкетеры отправлялись в первую очередь, затем опрашивались семьи «рядовые», те, кто не подходил под образ успешных. Однако мы, сознавая, что такая методика отбора целевых групп владельцев семейного хозяйства содержит элементы необоснованных оценок, предусмотрели в оценке и несколько вопросов своеобразного «сита», блокирующего попадание в нужную группу респондентов из другой группы. Отсюда необходимо стало определить пороговые значения, с которых можно обнаружить четко выраженные признаки групп. Использованы методические приемы зависимости большинства факторов от одного фактора, играющего ведущую роль (по принципу: «Если есть в доме ванна, значит, есть телефон, телевизор, мебель и т.п.»).

Ведущим фактором для хозяйств, в которых ведется растениеводство, стало наличие участков земли (на усадьбе или за пределами села). Они влекут за собой необходимость иметь технику для вспашки земли, первичную по обработке сырья и доставке продуктов на рынки.

В ЛПХ животноводческой специализации рубежом является количество животных, выход продукции от которых в 5–10 раз превышает потребность семьи для собственного питания.

В обеих группах хозяйств типичен крестьянский набор (плодовые деревья, ягодники, овощи и разные пищевые травы, цветы и т.п.), как правило, не отличается масштабом, если кое-что и выращивается, то не на продажу, а для собственного потребления, поэтому они не учитывались в качестве отграничивающего признака.

Результаты исследования.

Группы успешных хозяев подворий отличаются большим разнообразием специализации семейных хозяйств. В одних случаях это хозяйства, типичные для крестьянской семьи советского времени, где содержится всего понемногу: 1–2 коровы, несколько свиней, овец, кур, гусей, уток, имеется участок земли, на котором выращиваются овощи и ягоды. В других — хозяйства специализированы: либо на животноводстве, либо растениеводстве, а остальные виды (как в первом случае) есть либо в узком масштабе, либо отсутствуют совсем. К тому же и специализированные хозяйства дифференцированы по ресурсам. Например, в одном хозяйстве — 70 кроликоматок, в другом — только 15, или одна семья, ориентированная на занятость растениеводством, имеет землю, только примыкающую к подворью, другая — помимо этого обрабатывает полевой участок в несколько гектаров. Понятно, что эти семьи имеют и разные результаты своей хозяйственной деятельности.

Смыслы хозяйственной активности и социокультурной стороны жизнедеятельности семей жестко не связаны между собой, и это есть проявление общей тенденции. Ведь зависимость между накопленным богатством, зажиточностью семьи и ее культурой носит опосредованный характер. Об этом свидетельствуют практики и других богатых и бедных групп общества.

В процессе полевых исследований выявлена зависимость наполняемости семейных хозяйств от этнических традиций. У русских, удмуртов, мордвы, немцев, как правило, на подворье число коров редко превышает 5, в то время как у казахов, татар — нередко бывает 20 голов. Этот аспект учтен в процессе полевых исследований и произведен дополнительный опрос жителей районов с населением, отличающимся этническим разнообразием и моноэтническим единством.

В ходе исследования выявлено, что кроме групп, четко выделяющихся по масштабам семейного хозяйствования, есть группы «подхода» и «отхода» от успешности.

Выводы.

Смыслы хозяйственной самостоятельности владельцев сельских подворий сильно корректируются институциональными условиями. В настоящее время, когда в Госдуме принимается закон о налогообложении самозанятых, хозяева семейных подворий испытывают смятение умов. Дело в том, что крестьянство, советское и постсоветское, было приучено к паритету интересов и балансу обмена ресурсами между ним и государством, которые несли на себе печать несправедливости и оппортунизма. Суть этого в следующем: колхозное крестьянство десятилетиями за бесценно отдавало плоды своего труда государству, которое не обеспечивало его социальными благами должного уровня, «закрывая глаза» на способы поддержки семейного хозяйства (ЛПХ), не всегда отвечающие нормам права, в том числе уголовного. Налогообложение в такой ситуации считалось недопустимым. По философии и результатам аграрной реформы государство стало иметь дело только с узким кругом хозяйствующих субъектов (корпоративными укладами), представив основной массе крестьян возможность выживания «как придется», причем без явных перспектив что-то изменить. Уменьшение работников АПК в десять раз с начала 90-х годов прошлого века — неизбежный результат такого перехода.

В то же время фискальную сторону жизни селян в рыночных условиях государство не упустило. Хотя прямых налогов, кроме подоходного налога для имеющих рабочее место до сих пор нет, но изъятие ресурсов у сельской семьи из-за увеличения цен на газ, бензин, стоимость проезда в медицинские учреждения, муниципалитеты районов и на постоянную работу в города постоянно растут, в результате бюджеты семей уменьшаются. Наиболее активная часть, к которым успешные хозяева подворий относятся в первую очередь, за счет интенсификации своего труда, преодолевают эти трудности, но введение патентной формы налогообложения, воспринимают как очередной накат власти на свое благополучие.

Список литературы:

1. Шанин Т. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. — М., 1992.
2. Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследовательской России. — М., 2002.
3. Акчурин А.Ф. От Москвы до самых до окраин (социальное пространство: региональный разрез) // Социология. — 2005. — № 3–4. — С. 251.
4. Смыслы сельской жизни (опыт социологического исследования) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. — М.: Центр социологического прогнозирования и маркетинга. — 2016. — С. 77–78).